

*АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ*

НИЩЕТА И БЛЕСК
РОССИЙСКИХ МОНЕТАРИСТОВ.
ЧАСТЬ 1

С.Ю. Глазьев

Характеризуются теоретические основы, исторические истоки и связанное с ними современное обоснование проводимой в России экономической политики. Обще-признанный постулат такой политики состоит в том, что она исходит из догматических, ложных и вредных представлений о пользе автоматического действия механизмов рыночной самоорганизации и невмешательстве государства в вопросы регулирования. Опирающаяся изначально на неверные посылы политика современных монетаристов и монетаризма уже привела к экономической стагнации, рецессии, лишила экономику перспектив и импульсов развития. Даются рекомендации, как за счет использования отработанных на практике ныне успешных государств механизмов и мер государственной поддержки, разработанных с опорой на авторитетные академические институты и центры, России выйти из «воронки» монетаристских заблуждений на траекторию устойчивого экономического развития.

Ключевые слова: теория управления, макроэкономическая устойчивость, количественная теория денег, инфляционные ожидания.

Почти весь постсоветский период макроэкономическая политика в Российской Федерации проводилась исходя из монетаристских рецептов, согласно которым она должна сводиться к снижению инфляции путем ограничения денежной массы в расчете на автоматическое действие механизмов рыночной самоорганизации для оптимального использования имеющихся ресурсов. Монетаристы убеждены в том, что ограничение государственного вмешательства в экономику конт-

---

© Глазьев С.Ю., 2015 г.

ролем над количеством денег обеспечивает стабильные макроэкономические условия для подъема свободного предпринимательства, которое на основе механизмов конкуренции обеспечивает максимально возможную эффективность экономики (Фридмен, 1996). Этого, с их точки зрения, достаточно для обеспечения успешного развития экономики.

Данное представление находится в разительном противоречии с общими принципами теории управления. Любой студент, знакомый с кибернетикой, знает, что избирательная способность системы управления должна соответствовать разнообразию состояний объекта управления. Сведение управления такой сложной системой, как национальная экономика, к одному целевому параметру – росту потребительских цен и одному инструменту – регулированию количества денег несовместимо с наукой об управлении. С точки зрения современного системного подхода к управлению и синергетики как ведущей парадигмы фундаментальных исследований монетаризм больше похож на своеобразную религию, чем науку. Многие современные ученые справедливо рассматривают монетаризм как анахронизм, пережиток средневекового мировоззрения, стремящегося редуцировать все сложные явления социально-экономической реальности к простой сущности, в данном случае – к количеству денег. Они сравнивают политику монетаризма со средневековой практикой лечения всех болезней кровопусканием. Подобно современным монетаристам, сводящим все макроэкономические проблемы к избытку денег, средневековые эскулапы сводили причины всех болезней к избытку «дурной крови». Последствия их лечения, как и у монетаристов, заканчивались если не летальным исходом, то крайним ослаблением организма.

Катастрофические результаты монетаристской политики в постсоциалистических странах находятся в когнитивном диссонансе с настойчивостью ее последовательного продолжения в России в течение двух десятилетий. Авторы величайшей в мировой истории экономической катастрофы как ни в чем не

бывало блистают на всевозможных форумах, получают награды и звания лучших в мире министров и руководителей центральных банков и продолжают руководить макроэкономической политикой с неизменно разрушительным для научно-производственного потенциала страны результатом.

Макроэкономическая политика, следствием которой является устойчивый вывоз за рубеж капитала более чем на 100 млрд долл. в год и большей части добываемых в стране природных ресурсов при деградации обрабатывающей промышленности, сокращении численности ученых и инженеров и разрушении научно-производственного потенциала, неизменно объявляется единственно правильной и успешной. Вопреки здравому смыслу провальные результаты преподносятся как успехи, а экономические убиийцы продолжают играть роли лекарей, учителей и даже руководителей денежных властей (Перкинс, 2005). Это, по-видимому, не случайно. На фоне деградации национальной экономики благосостояние проводников этой политики и ее бенефициаров – офшорной олигархии – растет, вывоз капитала из страны монетизируется на их офшорных счетах.

По сути, монетаризм представляет собой откровенную апологетику интересов держателей монет, которые заинтересованы в повышении их покупательной стоимости. Эта доктрина всего лишь обслуживает их интересы, навязывая государству самоограничения в управлении денежной эмиссией. Она использует наукообразную терминологию, но по своему методу сродни квазирелигиозной догматике, поскольку не приемлет сомнений, игнорирует факты и не признает эксперимент. Поэтому многие мыслители считают монетаризм современной версией ветхозаветного культа Золотого тельца, религией обожествления денег. Исходя из этого, наверное, следует и оценивать практические результаты монетаристской политики, проводившейся с 1992 г., хотя российская экономика за этот период в основном примитивизировалась и сжалась в нефтегазовую трубу; для монетаристов и бе-

нефициаров их политики она стала уникальной «дойной коровой», из которой им удалось выжать около 2 трлн долл. капитала, монетизированного на офшорных счетах.

За это время Китай и другие страны бывшей мировой системы социализма, выбравшие прагматичную политику экономического роста, не обремененную теорией монетаризма, многократно увеличили свой экономический потенциал. Россия же, равно как и другие постсоциалистические страны, руководствующиеся монетаризмом, опустилась в число отсталых как по уровню экономического развития, так и по структуре экономики и внешней торговли. Это, однако, не помешало ей занять лидирующие позиции по приросту числа миллиардеров и инвестициям в приобретение элитной недвижимости в Лондоне, считающемся мировым центром монетарной олигархии. Судя по объемам утечки капитала за рубеж, Россия является крупнейшим донором мировой экономики, поддерживая финансовую пирамиду американских обязательств за счет доходов населения и износа основных фондов.

Эти противоречия взаимосвязаны. Как заметил в свое время классик, «нет ничего практичнее хорошей теории». Но, по видимому, нет также ничего более разрушительного, чем плохая теория, если она принимается в качестве руководства к действию. Впрочем, как говорил другой классик, если звезды зажигают – значит это кому-нибудь нужно¹. Тем более, с настоящим монетарным блеском не только в глазах монетаристов, но и в карманах бенефициаров их политики. Ведь в отличие от физики экономическая наука волей-неволей является служанкой интересов властвующей элиты, заинтересованной в проведении соответствующей экономической политики.

В настоящей статье анализируются хитросплетения проводимой в России макроэкономической политики. Рассматривается

¹ Маяковский В. Стихотворение «Послушайте». 1914 г.

теория монетаризма с точки зрения ее соответствия реальности, подводятся итоги ее применения в России, раскрываются причины ее последовательного проведения. Дается прогноз последствий ее продолжения. Обосновывается альтернативная макроэкономическая политика, основанная на научных знаниях о закономерностях развития экономики и ориентированная на общенациональные интересы устойчивого развития страны и повышение благосостояния народа.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Как известно, монетаризм оказался востребованным полстолетия назад в результате критики кейнсианства, которое не смогло ни предвидеть кризис мировой капиталистической экономики в 1970-е гг., ни объяснить причины его возникновения. Последние приписали самой некейнсианской доктрине, обвинив государство в избыточном регулировании экономики. Распад мировой системы социализма стал триумфом для монетаристов, которые увидели в нем практическое подтверждение своих взглядов на вредность государственного вмешательства в экономику. Монетаристская теория была взята на вооружение МВФ и стала основой проведения экономической политики в большинстве стран с переходной экономикой. Ее влияние стало доминирующим в российских правящих кругах, увлеченных приватизацией государственной собственности и монетизацией присвоенного национального богатства с последующим вывозом капитала за рубеж.

Однако так же, как кейнсианская доктрина оказалась бессильной перед кризисом 1970-е гг., так и монетаристская теория не могла объяснить ни катастрофических результатов ее применения в России и других постсоветских республиках, ни азиатский кризис 1998 г., ни мировой финансовый кризис 2008 г. Ведущие капиталистические страны–

эмитенты мировых резервных валют быстро отказались от монетаристской доктрины, принявшись вытаскивать свои экономики из кризиса противоположным способом – при помощи безудержной денежной эмиссии. Вопреки монетаристской теории это не повлекло за собой всплеска инфляции, но (вопреки кейнсианской доктрине) и не обеспечило подъема экономики. Этот кризис для западной экономической науки вновь оказался аномальным. Неоклассический мейнстрим во всех своих разновидностях, включая монетаризм и кейнсианство, не смог предвидеть ни один из мировых кризисов ни в прошлом, ни в нынешнем столетии.

Чтобы понять, почему в рамках «мейнстрима» экономической мысли не удастся разглядеть контуры даже ближайшего будущего, следует обратиться к фундаментальным предпосылкам лежащей в его основе неоклассической парадигмы. Она, как известно, основывается на нескольких аксиомах: представление всего разнообразия хозяйствующих субъектов в качестве экономических агентов, мотивация которых сводится к максимизации текущей прибыли; предположение, что эти экономические агенты действуют абсолютно рационально, обладают абсолютным знанием обо всех имеющихся технологических возможностях и свободно конкурируют друг с другом в институциональном вакууме. Неизменным результатом любых неоклассических интерпретаций экономического поведения хозяйствующих субъектов остается установление ситуации рыночного равновесия, которое характеризуется наиболее эффективным использованием ресурсов.

Ни одна из этих аксиом не соответствует экономической реальности, на что многократно обращали внимание многие известные ученые. Еще в 1971 г. об этом говорил в своем официальном ежегодном обращении президент Американской экономической ассоциации, нобелевский лауреат В. Леонтьев. В 1972 г. об этом же заявил его преемник на этом посту, другой нобелевский лауреат Д. Тобин. В 1980 г. о кризисе в неоклассиче-

ской экономической науке заявил в таком же официальном обращении классик теории экономического роста Р. Солоу². С тех пор написаны горы книг о неспособности неоклассической теории объяснить многие экономические явления в силу неадекватности реальности ее аксиоматики.

Эмпирические исследования поведения фирм на реальных рынках позволили установить, что мотивация хозяйствующих субъектов отнюдь не ограничивается стремлением максимизировать прибыль или какой-либо другой показатель экономической результативности. Был доказан факт неполной информации о рыночной конъюнктуре и технологических возможностях, доступной реальному хозяйствующему субъекту, а также раскрыто значение трансакционных издержек и других затрат, связанных с ее получением. Сомнению была подвергнута также сама возможность достижения экономического равновесия в результате решений, принимаемых реальными хозяйствующими субъектами. Но, пожалуй, главный удар пришелся на постулат о рациональности поведения хозяйствующего субъекта на рынке. В многочисленных исследованиях реального поведения фирм была установлена ограниченная способность хозяйствующих субъектов производить расчеты, необходимые для осуществления оптимального выбора. Однако в разработанной еще полвека назад концепции ограниченной рациональности фирмы ее авторы ориентируются не на оптимальный, а на приемлемый выбор варианта своего поведения (Herbert, 1960).

Эта критика тем не менее не помешала неоклассической парадигме вплоть до настоящего времени занимать умы политико-экономического истеблишмента. Хуже того, развитие мейнстрима экономической мысли пошло путем еще большего отгораживания от реальности с ее одновременным упрощением посредством абстрактных математизированных построений. В теории монетаризма

² American Economic Association. URL: www.vanderbilt.edu.

этот процесс дошел до логического конца. В дополнение к нереалистичным аксиомам неоклассической теории рыночного равновесия основатель монетаристской доктрины М. Фридмен ввел еще более далекие от реальной экономики предпосылки (Фридмен, 1996): 1) постоянную численность населения; 2) фиксированные вкусы и предпочтения субъектов рынка; 3) фиксированный объем физических ресурсов; 4) постоянную производительность труда; 5) стабильную структуру общества; 6) свободную конкуренцию; 7) постоянство и незатратность капитальных благ; 8) отсутствие возможности приобретать или продавать капитальные блага; 9) запрет кредитования и заимствования; 10) разрешение только обмена услуг на деньги и денег на услуги, – то есть, запрет бартера; 11) свободное ценообразование; 12) существование только наличных денег (монет и банкнот); 13) фиксированное количество этих денег.

К анализу такой экономики Фридмен подходит, пользуясь предпосылкой, что она находится в состоянии равновесия. В рамках этих допущений Фридмен анализирует последствие дискретного увеличения номинального количества денег и приходит к выводу о пропорциональном росте цен и возобновлении состояния экономического равновесия при соответственно более низкой покупательной способности денег. Фридмен полагал, что номинальное количество денег определяется их предложением, а реальное количество денег – спросом на них, который в его модели «стационарного общества» остается неизменным. Из этого он делал вывод о том, что увеличение количества денег в обращении приводит к пропорциональному росту цен. Это влечет снижение объемов личного и общественного богатства. При этом он бездоказательно полагал, что цены автоматически приходят в состояние нового равновесия в силу законов рыночной самоорганизации. И из этого он делает вывод, что главным условием денежной стабильности является ограничение объема денежной массы.

«Наиболее близкой к оптимуму политикой является, – пишет Фридмен, – доктрина постоянности денежной массы... Ближайшей целью политики может стать стабилизация цен на ресурсы. Если спросу на деньги в реальном выражении присуща та же эластичность, что и доходам, то с учетом роста населения и рабочей силы США нуждаются в увеличении денежной массы приблизительно на 1% в год. Если же эластичность окажется выше, как это наблюдалось в последнее столетие, то рост денежной массы может идти со скоростью приблизительно 2% в год» (Фридмен, 1998).

Этот вывод М. Фридмена находится в разительном противоречии с реальной денежной политикой всех стран–эмитентов мировых резервных валют: в последние годы они наращивают объем денежной базы со скоростью до 15% в год. Разгадка этой слишком точной для неоклассической догматики рекомендации Фридмена дана Л. Лерманом, который объясняет, что ни результаты расчетов Фридмена, ни «рост населения и рабочей силы» не доказывают этого тезиса. Оказывается, именно таким темпом в те годы росла добыча золота. «Америка нуждается в золотом стандарте, подобном тому, который существовал до 1933 г. С восстановлением конвертируемости доллара в золото инфляция исчезнет», – добавляет Д. Кемп (Kemp, 1979). «Вот чем на самом деле пользуется Фридмен и другие монетаристы для определения “оптимального” объема денежной массы в обращении. Монетаризм воспроизводит количественную теорию денег времен металлических монет», – заключают В. Найденов и А. Сменковский в своем замечательном по убедительности исследовании (Найденов, Сменковский, 2003). Это позволяет им охарактеризовать монетаризм как «вульгарное перерождение классической количественной теории денег» (Там же).

Опираясь на количественную теорию денег, монетаристы утверждают, что главным фактором инфляции является изменение денежной массы в обращении. Им кажется, что реальный объем производства непосредствен-

но не зависит от изменения объема денежной массы, а скорее определяется существующим в экономике предложением факторов производства: количеством и производительностью рабочей силы, оборудования, земли, технологий и пр. В этом они опираются на предположение И. Фишера о «пассивности» денег («размеры торговли зависят от других факторов, а не от количества дензнаков» (Фишер, 1926)), которое монетаристы вульгаризируют, игнорируя оговорки того же Фишера об условиях, допускающих положительное влияние роста денежной массы на торговлю.

Поскольку уравнение обмена И. Фишера является для монетаристов фундаментальной догмой, стоит вникнуть в его смысл. Фишер сформулировал его еще в 1911 г.:

$$MV = PQ,$$

где M – денежная масса; V – скорость ее обращения; P – уровень цен; Q – количество товаров.

По сути, это уравнение является тождеством, так как одна из его переменных – скорость обращения денег – обычно определяется через другие переменные: $V = PQ / M$. При этом с нарушением теоретической чистоты на практике вместо количества товаров используется ВВП, а уровень цен интерпретируется как изменение потребительских цен, которое и объявляется инфляцией.

Данное тождество не поддается верификации, оно принимается как аксиома, из которой выводятся важнейшие постулаты количественной теории денег. На этом основании формулируются рекомендации в отношении макроэкономической политики исходя из прямо пропорциональной зависимости между приростом количества денег и темпом инфляции. Так, руководивший в течение многих лет денежными властями России А. Кудрин пишет: «Согласно классическому представлению об инфляции рост цен связан с увеличением денежного предложения при неизменной скорости обращения денег. Без увеличения денег в обращении при неизменности скорости обращения, сохранении объ-

ема выпуска товаров и услуг общий уровень цен в стране остается неизменным, как бы ни менялись цены на отдельные товары... Речь идет о том, что при заданном количестве денег в обращении рост цен на одни товары должен сопровождаться их снижением на другие. При этом общий индекс цен останется неизменным» (Кудрин, 2007).

Это утверждение, кажущееся монетаристам очевидным, в действительности является ложным. Оно отражает статичное состояние экономики в абстрактных моделях рыночного равновесия с нереалистичными предпосылками, которые в реальных экономических процессах не соблюдаются. Рассмотрим типичные примеры изменения цен, происходящие в реальной экономике под влиянием НТП и злоупотреблений монополистов.

Рассмотрим случай повышения цен монополистами при неизменном предложении товара (услуги). По-прежнему будем считать неизменными условия функционирования других товарных рынков, стабильность институтов, определяющих скорость обращения денег и их объем, а также величину заработной платы, выплачиваемой работникам при производстве товаров данной группы. Предположим, что получаемую сверхприбыль монополист, к примеру, направляет за рубеж, выводя соответствующую сумму денег из обращения. Тогда вследствие повышения цены либо сократится предложение соответствующих товаров (если спрос на них эластичен по цене), либо потребителям придется платить больше. В первом случае будет наблюдаться повышение цен при снижении объема товаров при неизменной величине денежной массы, во втором потребители будут вынуждены уменьшить спрос на другие товары. Если их производство неэластично по цене (частный случай таких услуг, как тепло или электроэнергия, вырабатываемая при минимально допустимой нагрузке на генерацию), то произойдет соответствующее снижение цен, что отвечает приведенному утверждению А. Кудрина. Если производство эластично (общий случай), то равновесие будет достигнуто при

более высоком уровне цен и меньшем объеме производства товаров.

Иными словами, утверждение Кудрина отражает частный случай сверхмонопольного производства жизненно важных благ. Любопытно, что в концепции Фридмена (с предпосылкой свободной конкуренции) этот случай не имеет права на существование. В общем же случае утверждение Кудрина не выдерживает критики.

Данный пример отражает типичную для российской экономики ситуацию последовательного повышения тарифов на природный газ, электроэнергию и тепло, причем рост которых опережает инфляцию. Монополии в этих сферах ежегодно накапливают сверхприбыль, которая может направляться на инвестиции внутри страны или за рубеж. В последнем случае происходит рост цен при снижающемся объеме денежного предложения (при условии привязки денежной эмиссии к приобретению иностранной валюты Центральным банком, как это и происходит в России). Именно такая картина наблюдалась в первой половине 1990-х гг.: цены росли на фоне сжимающейся денежной массы при вывозе получаемой монополистами сверхприбыли за рубеж.

Охарактеризованный эффект повышения цен монополией следует дополнить эффектом снижения спроса на другие товары, так как потребители монополично поставляемого товара вынуждены экономить на их приобретении. Этот эффект делится на снижение цены и объема предложения этих товаров и зависит от эластичности спроса и предложения по цене на них. Причем влияние снижения цен на данные товары может сбалансировать эффект повышения цен монополией только в случае неэластичности предложения соответствующих товаров по цене. Это возможно, например, если потребители, сталкиваясь с повышением тарифов на газ и электроэнергию, снижают платежи за воду и тепло, от поставки которых невозможно отказаться. Они могут также переключиться с платных медицинских или образовательных услуг на бесплатные. Но

снижение платежей населения ниже уровня самокупаемости производства соответствующих товаров придется компенсировать государственными субсидиями, которые в этом случае на цены не влияют, а лишь следуют за снижением спроса.

В общем случае в негосударственном секторе экономики повышение цен монополистами не будет компенсировано снижением цен продавцами других товаров, которые сократят их предложение. Именно так реагировали российские товаропроизводители на уменьшение совокупного спроса в первой половине 1990-х гг. Это поведение отвечает закономерностям функционирования промышленных систем с длинными цепочками технологической кооперации (Гэлбрейт, 2004).

Изготовитель конечной продукции не может произвольно снижать цены, так как издержки производства определяются расходами на приобретение комплектующих у смежных предприятий, которые в свою очередь получают комплектующие у своих смежников. При производстве современной высокотехнологичной продукции общее число участвующих в технологической кооперации предприятий может достигать нескольких тысяч. В этой ситуации возможности производителя конечной продукции измерять свои цены величиной ожидаемой прибыли ограничен. К примеру, общим для любой технологической цепочки издержкообразующим товаром является электроэнергия. Повышение тарифа на нее вынуждает всех участников производственно-технологической кооперации подвигать цены на свою продукцию. Поэтому производители сложных изделий реагируют на снижение спроса на них соответствующим сокращением предложения товаров, а не снижением их цены. Об этом еще 40 лет назад писали Гэлбрейт и многие другие серьезные экономисты, чьи выводы были проигнорированы одержимыми верой в товарную природу денег (Там же).

Рассмотрим другой пример. Предположим, что вследствие внедрения новой техники снижаются издержки производства некоторой

группы товаров (услуг). При этом остаются неизменными институты денежного обращения, определяющие его скорость, и величина денежной массы. Предположим также, что при производстве рассматриваемой группы товаров заработная плата работников не меняется, а эффект от внедрения новой техники делится на снижение цены выпускаемой продукции и сверхприбыль, направляемую на дополнительное совершенствование технологии. Последнее вызовет дальнейшее снижение цены, которое может сопровождаться (или не сопровождаться) расширением продаж товаров (услуг) данной группы. В первом случае мы имеем одновременно и снижение цен, и рост объема производства товаров при неизменном количестве денег и скорости их обращения. Во втором случае (когда спрос на данный товар неэластичен по цене) у потребителей возникает экономия денег. Если они их сберегают, то мы вновь имеем снижение цен при неизменности всех остальных переменных монетаристского тождества. И только если они тратят эти сэкономленные деньги на приобретение иных товаров, предложение которых неэластично по цене, станет справедливым утверждение, приведенное в статье А. Кудрина. На такие товары цены теоретически могут подняться пропорционально снижению цен на инновационную продукцию, если, конечно, это позволят сделать антимонопольные органы. Если же предложение дополнительно покупаемых товаров эластично по цене, то их производство увеличится при некотором повышении цен на них в условиях неизменного количества денег и скорости их обращения.

Для упрощения модели предположим, что новатор не приобретает новую технику, а изготавливает и совершенствует ее самостоятельно. Так делают многие производители современного оборудования и программного продукта. Тогда исключается эффект повышения цены на новую технику с ростом спроса на нее. В действительности во многих случаях, типичных для современной экономики знаний, наблюдается обратная ситуация – с расширением масштаба использования но-

вой технологии издержки ее производства быстро снижаются (вплоть до нуля, как при тиражировании программных продуктов) при уменьшающемся объеме инвестиций в расчете на единицу эффекта. Это позволяет новатору выбрать стратегию максимизации рынка для своих товаров, направляя весь получаемый эффект на снижение цены.

Данный пример наглядно иллюстрирует возможность снижения инфляции под влиянием НТП. При этом небольшой прирост денежного предложения, направляемый на освоение новой техники, дает нарастающий антиинфляционный эффект, сопровождающийся расширением производства и продаж соответствующих товаров. Именно этим объясняются типичные для динамично развивающихся стран случаи быстрого роста денежной массы при стабильных и даже снижающихся ценах. Например, в Китае в период бурного экономического подъема второй половины 1990-х гг. цены снижались на фоне роста денежной массы на 17–40% в год (Обучение рынку, 2004).

Как следует из приведенных примеров, утверждение, сформулированное в статье А. Кудрина, несмотря на кажущуюся монетаристам очевидность, в действительности соблюдается только в частных и довольно экзотических случаях, предполагающих неэластичность спроса и предложения товаров по цене, а также отсутствие научно-технического прогресса и инноваций. Курьезность утверждений Кудрина заключается в том, что эти случаи с точки зрения монетарной теории, постулирующей свободные ценообразование и конкуренцию, не должны существовать. Иными словами, следуя монетаристским догмам, мы опровергли саму эту теорию: в общем случае она неверна, а частности она сама же и отрицает. Наши же примеры отражают типичные ситуации в современной экономике.

Так, под воздействием новых знаний цена единицы полезного свойства товара (услуги) может быстро многократно снижаться вне связи с изменениями параметров денежного обращения, не оказывая заметного вли-

яния на цены технологически не связанных с ним иных товаров. Например, стоимость вычислительной операции в период становления современного технологического уклада в 1960–1985 гг. снизилась в 10 тыс. раз! В период его интенсивного развития в 1974–1992 гг. стоимость единицы полезного эффекта вычислительной техники снизилась в 20 раз, что сопровождалось быстрым расширением спроса на нее и соответствующим увеличением предложения. Другой пример: внедрение технологии использования стволовых клеток в медицине делает ненужным проведение ряда дорогостоящих хирургических операций. Здесь цена услуги снижается без увеличения объема предложения (если, конечно, все нуждающиеся в лечении ранее получали возможность проведения хирургической операции). Своевременная вакцинация населения позволяет резко уменьшить заболеваемость, что сокращает спрос на лекарства и медицинские услуги, – пример одновременного снижения цен и объемов предложения товаров.

Нетипичным в приведенных нами выше примерах является предположение о замораживании сверхприбыли новаторами и монополистами. В действительности они, конечно, направляют эти средства либо на инвестиции, либо на потребление. Если мы рассматриваем пример новатора, то в первом случае продолжается снижение цен при увеличении спроса на инвестиционное оборудование, которое может привести к некоторому повышению цен на него. Утверждение А. Кудрина окажется верным, только если это повышение цен будет равно снижению цен на рассматриваемые товары благодаря применению данного оборудования. Здесь предполагаются монопольное положение продавца и его полная осведомленность об эффекте применения этого оборудования у конкретного потребителя. Первое условия не допускает монетарная теория, а второе не соответствует реальности. Кроме того, подобное поведение продавца возможно только в отсутствие антимонопольного законодательства. Вновь монетарная теория ставит своих апологетов в конфузное положение.

В наших иллюстративных примерах реальный эффект снижения цен на товары намного превышает гипотетическое повышение цен на оборудование. Если новатор направляет сверхприбыль на потребление, то утверждение А. Кудрина будет справедливым, только когда это вызовет повышение цен на предметы потребления, равное снижению цен на рассматриваемые товары. Если сверхприбыль направляется на сбережения, это приведет к увеличению кредита (при условии, что сбереженная прибыль не вывозится за рубеж); в результате несколько увеличится спрос на товары, приобретаемые его получателями. Тогда зависимость между изменением цен на разные товары окажется более сложной, хотя она по-прежнему будет определяться эластичностью их спроса и предложения по цене. Если же сберегаемая сверхприбыль вывозится за рубеж и при этом валюта приобретается у Центрального банка при неизменном обменном курсе, то количество денег сокращается. В примере с новатором в этом случае будут происходить снижение цен и рост предложения товаров при сокращении объема денег в экономике.

Таким образом, вопреки мнению монетаристов цены могут расти и снижаться при неизменности всех остальных переменных, включая объем денежной массы. При этом может происходить как увеличение, так и уменьшение предложения товаров в зависимости от содержания происходящих в экономике процессов. Внедрение новых технологий влечет за собой снижение цен, в то время как злоупотребления монополистов вызывают их повышение. Изменения цен на товары одной группы вовсе не обязательно должны компенсироваться противоположным изменением цен на товары других групп. Более того, можно утверждать, что такого рода компенсация возможна только в экзотических случаях неэластичности спроса и предложения товаров по цене, которым соответствует сугубо умозрительная ситуация, к тому же не вписывающаяся в аксиоматику Фридмана.

Следовательно, монетаристское тождество отражает статичную ситуацию, которая

теоретически может воспроизводиться как некоторое состояние рыночного равновесия в абстрактной математической модели. При внесении в нее зависимостей, отражающих реальные экономические процессы, переменные данного тождества могут изменяться независимо друг от друга. В реальности экономика никогда не воспроизводит состояния равновесия, в каждый момент времени она переходит в новое состояние со своими значениями переменных монетаристского тождества. Это делает бессмысленными какие-либо его интерпретации в целях выработки практических рекомендаций.

Сталкиваясь с проблемами практического применения количественной теории денег, монетаристы обычно «сваливают» все необъяснимые факторы на скорость их обращения. Нет сомнений, что приведенные выше примеры они попытаются опровергнуть путем теоретических спекуляций относительно изменения скорости обращения денег. Но, во-первых, для этого надо сначала научиться ее измерять. Деление ВВП на объем денежной массы не может считаться корректным способом определения скорости обращения денег в силу известной условности самого показателя ВВП, отражающего лишь уровень коммерческой активности.

Во-вторых, перераспределение спроса между различными сегментами рынка будет разнонаправленно влиять на скорость обращения денег, результирующую которого тоже нужно научиться измерять в конкретных ситуациях. Так, если получаемую в вышеприведенных примерах сверхприбыль новаторы или монополисты будут тратить на спекулятивные операции, то скорость обращения денег будет расти, а если на строительство новых заводов, то снижаться.

В-третьих, переток денег между различными сегментами рынка происходит по различным каналам денежного обращения, каждому из которых присуща своя скорость. В зависимости от того, какими из них будут пользоваться обладатели сверхприбыли, будет меняться и скорость обращения денег.

Если они будут хранить свои средства на долгосрочных депозитах или направят их в пенсионные или страховые фонды, скорость обращения денег станет существенно меньше, чем в случае их хранения на текущих счетах (Глазьев, 2008).

Несоответствие количественной теории денег реальности, игнорирование ею ведущего фактора экономического роста – научно-технического прогресса, как и обратных связей между денежным предложением и ростом производства, влекут за собой бессмысленность всех практических выводов и рекомендаций этой теории, включая излюбленные монетаристами догмы, сформулированные Д. Фридменом и другими экономистами – представителями Чикагской школы (Ф. Найтом, Дж. Стиглером, Дж. Вайнером, Г. Саймонсом, Ф. Кейгеном, А. Голдменом) в конце 1950-х гг.: а) саморегуляция рынка; б) свободная конкуренция; в) источники трудностей и кризисов – внешние факторы и вмешательство государства в экономику, поэтому необходимо ограничить до минимума регулируемую роль государства; г) главным механизмом экономического регулирования является денежно-кредитная политика; д) важной составляющей макроэкономической политики должно быть ограничение заработной платы, так как именно она оказывает решающее влияние на цены.

Последний принцип был сформулирован в 1959 г. Д. Хиксом, который в условиях отказа от золотого стандарта денег и утраты ими товарной основы привязал рыночное равновесие к динамике доходов, главной составляющей которой является заработная плата. На этом основании он сформулировал принцип инфляционной спирали, привязав инфляцию к росту заработной платы. Этот принцип нашел эмпирическое подтверждение в исследованиях А. Филлипса, который еще в 1958 г. выявил обратную связь между уровнем безработицы и темпом роста заработной платы. Предполагая наличие прямой зависимости инфляции от роста заработной платы, можно вывести обратную зависимость инфляции и уровня безработицы – кривую Филлип-

са. В современной кривой Филлипса темпы прироста номинальной заработной платы заменены темпами инфляции. Эта разница, по мнению монетаристов, не имеет принципиального значения, так как «увеличение заработной платы и рост цен тесно связаны друг с другом. В периоды быстрого подъема заработной платы быстро растут и цены» (Мэнкью, 1994).

Как отмечают В. Найденев и А. Сменковский, если согласиться с фактическим существованием закономерности, описанной кривой Филлипса, то возникает интересный парадокс. А. Оукен вывел зависимость между безработицей и производством, которая гласит, что на каждые 2% падения валового национального продукта (ВВП) ниже потенциального ВВП уровень безработицы возрастает на 1%. Поскольку эта закономерность как прямого, так и обратного действия, то объем производства можно рассматривать как обратную функцию от уровня безработицы. Если совместить эффекты Филлипса и Оукена, окажется, что между инфляцией и производством существует прямая зависимость. К примеру, как считают некоторые монетаристы, для сокращения инфляции на 1% необходимо «пожертвовать» 5% темпа годового роста ВВП, или 2,5% занятости (Там же). Поэтому монетаристы всегда готовы к катастрофическим результатам внедрения своих рекомендаций. Г. Мэнкью называл глубокий спад производства вследствие сокращения инфляции «шоковой терапией».

Так, монетаристы находят псевдонаучные объяснения катастрофических результатов применения их рекомендаций на практике. Вызываемые сжатием денежной массы спад производства и рост безработицы интерпретируются ими как «закономерная» плата за снижение инфляции. В действительности, однако, последнего при сокращении денежной массы, как правило, не происходит. Сжатие денежной массы порождает стагфляцию – одновременное снижение производства и инвестиций при росте инфляции и безработицы. Многочисленные исследования так и

не выявили статистически значимой зависимости между приростом денежной массы и инфляции как в постсоциалистических, так и в развитых капиталистических экономиках. Зато четко прослеживается устойчивая статистически достоверно подтверждаемая связь между сокращением объема денежной массы, с одной стороны, и падением производства и инвестиций, с другой (Обучение рынку, 2004).

Попутно заметим, что часто фигурирующая в экономических учебниках кривая Филлипса, до сих пор используемая в математических моделях товарно-денежного обмена МВФ, да и Банка России, не подтверждается еще с 1970-х гг. И даже за весь послевоенный период, как показали исследования Макконнелла и Брю, эта гипотеза не выдерживает проверки регрессионным анализом макроэкономических показателей США (Макконнелл, Брю, 1992).

Как справедливо замечают В. Найденев и А. Сменковский, монетаризм и другие теории сводят анализ состояния экономики к количеству денег. В отличие от физиократов и марксистов они вообще не рассматривают производство как самостоятельную составляющую экономики (например, Фишер использовал термин «торговля», а не «производство»). Видимо, поэтому они до сих пор не склонны замечать резкое падение производства в результате проводимой ими политики. Эти теории считали единственно эффективным и возможным рыночное саморегулирование и потому оказались бессильными во время Великой депрессии 1929–1933 гг.

Заметим, что они оказались бессильными объяснить и предвидеть последующие структурные кризисы мировой экономики, связанные со сменой технологических укладов, в середине 1970-х гг. и в период с 2008 г. Соответственно контрпродуктивными оказались и их рекомендации, направленные на преодоление этих кризисов, которое происходило на основе мер структурной, промышленной и научно-технической политики, не вписывающихся в неоклассическую парадигму.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Существует хорошо заметная отрицательная зависимость между настойчивым применением монетаристской теории и темпами экономического роста. Экономика стран, применяющих рекомендации МВФ, растет в среднем вдвое медленнее, чем остальных (Политическое измерение..., 2012). Заметим, что развитые страны никогда не применяли и не применяют рекомендаций МВФ, относясь к ним как к инструменту их общей неокOLONиальной политики по отношению к зависимым странам. Неслучайно в правительстве США МВФ курирует заместитель казначея (министра финансов), отвечающий за взаимоотношения с иностранными государствами. Советы МВФ предназначены для них.

Этот двойной стандарт существовал всегда и много раз приводил к масштабным кризисам в развивающихся странах. Рекомендации МВФ ориентированы на обслуживание интересов американского и европейского капитала, связанного с ФРС США, эмитирующей мировые деньги.

Наглядным позитивным примером отказа от догм неоклассической доктрины стала политика Л. Эрхарда, автора западногерманского экономического чуда после Второй мировой войны. В отношении рекомендаций монетаристов он писал: «Валюта приобретает примат перед экономикой, которым она никоим образом не владеет. Нашей первой и единственной заботой должно быть экономическое благосостояние, а валютно-технические меры оправданы только тогда, когда они безусловно служат достижению этой цели. Валюта не является чем-то, что стоит на одной ступени с экономикой, она является одним из ее вспомогательных механизмов» (Эрхард, 1993). Он считал необходимым расширение кредита для роста производства в ситуации неполного использования имеющихся производственных мощностей. При этом он понимал границы этого расширения: «между инфляцией и объемом денег, которые находятся в обращении,

нет никакой причинной связи, инфляция порождается только тем, что в среднесрочном плане или непосредственно могут возникать доходы от деятельности, которая не приносит реальной пользы экономике» (Там же).

Еще более четко взаимосвязь между денежным предложением и динамикой производства охарактеризовал Дж. Кейнс: «Если имеет место неполная занятость факторов производства, степень их использования будет изменяться в той же пропорции, что и количество денег; если же имеет место их полная занятость, то цены будут изменяться в той же пропорции, что и количество денег» (Кейнс, 1993).

Из этого, в частности, следует абсурдность проводимой в настоящее время политики Банка России, направленной на сокращение денежной массы в условиях, когда загруженность производственных мощностей в промышленности составляет около 60% (см. рисунок).

При этом вопреки очевидным фактам, Банк России утверждает, что «загрузка производственных мощностей в обрабатывающей промышленности оставалась на высоком уровне. Кроме того, сохранялось действие инфраструктурных и институциональных ограничений. Все это сдерживает темпы роста потенциального ВВП и указывает на ограниченные возможности безынфляционного на-

Уровень загрузки производственных мощностей, %
Источник: Институт народнохозяйственного прогнозирования, 2014.

рацивания производства, если не произойдет его модернизации, а также повышения производительности труда» (Основные направления..., 2014).

Это противоречащее официальной статистике утверждение обосновывается экономико-математическими построениями, использующими простую экстраполяцию наблюдаемых показателей, кривую Филлипса, производственные функции и другие искусственно сконструированные зависимости, традиционно используемые монетаристами вопреки их несоответствию реальным взаимосвязям между динамикой производства и денежным предложением. Создается впечатление, что имеющийся в распоряжении Банка России незамысловатый экономико-математический инструментарий попросту подгоняется под монетаристские догмы.

Первая и самая важная из них выражается в сведении всего разнообразия целей макроэкономической политики к снижению инфляции. Она исходит из постулата, который не подтверждается статистическими исследованиями и, впрочем, не встречается ни в работах Фридмена, ни в работах других известных теоретиков монетаризма, но считается аксиомой для МВФ: чем ниже инфляция, тем выше возможный темп роста производства, и наоборот.

Между тем считающийся классиком современной экономической теории П. Самуэльсон утверждал: «Будет ли кто-то беспокоиться об инфляции? Будет ли эффективность использованных ресурсов или реального ВНП немного выше или ниже? Ответ на оба вопроса таков: нет. Инфляция, которая является и сбалансированной, и предусмотренной, не оказывает влияния на реальный объем производства, эффективность или распределение дохода» (Самуэльсон, Нордгауз, 1995). Позже В. Полтерович на многочисленных примерах убедительно показал, что умеренная инфляция (до 20% в год) не является препятствием для экономического роста (Полтерович, 2007).

Вторая догма: как и Фридмен, российские монетаристы убеждены, что инфляция

всегда и всюду представляет собой денежный феномен и бороться с ней нужно лишь ограниченными средствами денежно-кредитной политики. Между тем еще полстолетия назад даже в моделях монетаристов (в частности, у Л. Харриса и Ф. Кейгена (Харрис, 1990)) была установлена возможность инфляции без соответствующего увеличения денежной массы. Выше несостоятельность этой догмы была наглядно показана на типичных примерах поведения хозяйствующих субъектов в современной экономике. Оторванные от реальности монетаристы в своих умозрительных построениях не видят ни производственной сферы, ни научно-технического прогресса. Поэтому они никак не могут понять, что основным фактором инфляции в реальной экономике большинства стран, как и в России, является ценовая политика монополистов. А главным фактором снижения инфляции является банальное снижение издержек и улучшение потребительских качеств товара. И то, и другое определяется научно-техническим прогрессом. А он в свою очередь зависит от уровня кредитования инвестиционной и инновационной активности.

Проведенный на обширном статистическом материале анализ отношения объема денежной массы к ВВП развеивает любые иллюзии относительно необходимости ограничения денежной массы для успешного осуществления макроэкономической стабилизации. Лидерами по данному показателю являлись Япония и Китай, где объем М2 превышает объем ВВП в 1,5–2 раза (Глазьев, 2004), где денежная масса в периоды экономического подъема росла на 20–40% в год, сопровождаясь дефляцией.

Исследования, проведенные экспертами Всемирного банка, также опровергли данную догму, показав наличие вполне определенной обратной корреляции между количеством денег в обращении (денежная масса в процентном отношении к ВВП) и уровнем инфляции: чем меньше денег в обращении, тем выше, судя по межстрановым сопоставлениям, темпы инфляции (Бузгалин, Колганов,

2004, с. 203). Этот факт, противоречащий привычным монетаристским представлениям, объясняется следующим образом.

В логике реальных взаимоотношений между предприятиями ограничительная денежная политика, ориентированная на сокращение денежной базы, влечет за собой не столько сокращение объема денежной массы, сколько ухудшение ее качества. Нехватка денег компенсируется эмиссией денежных суррогатов взаимосвязанными производственной кооперацией предприятиями, эти различные долговые обязательства смягчают кризис неплатежей. В России, например, в середине 1990-х гг. совокупный объем «квазиденег» в обращении достигал, по некоторым оценкам, половины всего объема денежной массы, а в отдельных отраслях составлял 80–90% совокупного объема операций российских предприятий (Яковлев, Глисин, 1996). Замена денег суррогатами не позволяет обеспечивать полноценное финансирование воспроизводства и инвестиций, следствием чего становится углубление экономического спада. Это наряду с увеличением рисков неплатежей влечет за собой повышение темпов инфляции.

В книге «Политическое измерение мировых финансовых кризисов» (Политическое измерение..., 2012) убедительно показана отрицательная обратная связь между инфляцией и уровнем монетизации экономики: чем выше насыщенность экономики деньгами, тем ниже уровень инфляции, и наоборот. Не только постсоветские государства, но и европейские страны, проводившие наиболее резкое ограничение количества денег в обращении (Болгария и Румыния), испытали и наибольшие проблемы, связанные как с инфляцией, так и с преодолением спада производства. Многие из этих стран затем прибегали к расширению денежной эмиссии для стимулирования роста экономики вопреки монетаристским догмам финансовой стабилизации.

Наконец, третья догма и итоговый вывод монетарной теории сводится к возражению против любого вмешательства государства в экономическую деятельность, поскольку это,

по убеждению Фридмена, угрожает консенсусу в области распределения доходов, который служит моральной основой свободного общества. Это, однако, не мешает монетаристам предлагать «политику доходов» для сдерживания роста заработной платы и обеспечения таким образом, как им кажется, низкого уровня инфляции. Результатом этой политики в России стало многократное падение реальной зарплаты и привязанных к ее уровню пенсий и социальных выплат, что по сути означало геноцид населения, численность которого относительно потенциального уровня при нормальных условиях воспроизводства сократилась в 1990-е гг. на 12 млн человек (Глазьев, 1998). Эта догма дополняется рекомендациями сокращать бюджетные расходы и отказаться от кредитования бюджетного дефицита. Последний, по мнению монетаристов, должен финансироваться исключительно из неэмиссионных источников – внутренних и внешних займов, размещаемых на финансовых рынках.

Заметим, что в США, ЕС и Японии, наоборот, дефицит бюджета покрывается как раз за счет денежной эмиссии под долговые обязательства государства. Более того, на последние приходится основная часть обеспечения этих мировых валют. По сути, это означает, что монетаристы пытаются запретить другим странам эмитировать свои валюты для собственных нужд, чтобы заставить их финансировать долговые обязательства США и других эмитентов мировых резервных валют. Именно к этому, по сути, сводится финансирование дефицита бюджета за счет внешних займов, гарантом погашения которых являются валютные резервы стран-заемщиков. Если же внутренние займы не поддерживаются соответствующим объемом денежной эмиссии, то финансирование дефицита бюджета происходит за счет сокращения инвестиций, что автоматически влечет за собой замедление экономического роста. Получается, что монетаристы своими рекомендациями, по сути, вынуждают национальные денежные власти обслуживать дефицит бюджета и кредитовать экономику стран-эмитентов мировых валют,

которые проводят противоположную их рекомендациям политику безграничной денежной эмиссии.

Из сказанного выше следует, что придуманная полвека назад в США монетаристская теория применяется исключительно для внешнего потребления зависимыми странами. Выражаясь современным языком, она применяется денежными властями США в качестве когнитивного оружия, поражающего сознание элиты туземных стран в целях навязывания им нужной американскому капиталу макроэкономической политики.

Литература

- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Введение в компаративистику (исследование и сравнительный анализ социально-экономических систем: методология, теория, применение к переходным экономикам). М.: Транзиткнига, 2004.
- Глазьев С. Геноцид. М.: Терра, 1998.
- Глазьев С. Обучение рынку. М.: Экономика, 2004.
- Глазьев С. О практичности количественной теории денег, или Сколько стоит догматизм денежных властей // Вопросы экономики. 2008. № 7.
- Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Пер. на рус. яз. Л.Я. Розовский, Ю.Б. Кочеврин, Б.П. Лихачев, С.Л. Батасов. М.: Транзиткнига, 2004.
- Кейнс Дж. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993.
- Кудрин А. Инфляция: российские и мировые тенденции // Вопросы экономики. 2007. № 10.
- Макконнелл К., Брю С. Экономикс: принципы проблемы и политика. М.: Республика, 1992.
- Мэнкью Г. Макроэкономика. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Найденев В., Сменковский А. Инфляция и монетаризм. Уроки антикризисной политики. Киев: Б.Ц.: ОАО «Белоцерковская книжная фабрика», 2003.
- Обучение рынку / Под ред. С. Глазьева. М.: Экономика, 2004.

Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 г. и период 2016 и 2017 гг. // Вестник Банка России. 2014. № 106 (1584).

Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы. М.: Претекст, 2005.

Политическое измерение мировых финансовых кризисов / Под ред. В. Якунина, С. Сулакшина, И. Орлова. М.: Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, 2012.

Полтерович В. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. № 6.

Самуэльсон П., Нордгауз В. Макроэкономика. Киев: Основы, 1995.

Фишер И. Покупательная сила денег. М.: НКФ СССР, 1926.

Фридмен М. Количественная теория денег. М.: Эльф пресс, 1996.

Фридмен М. Если бы деньги заговорили... М.: Дело, 1998.

Харрис Л. Денежная теория. М.: Прогресс. 1990.

Эрхард Л. Полвека размышлений. М.: Руссико-Ордынка, 1993.

Яковлев А., Глусин Ф. Альтернативные формы расчетов в народном хозяйстве и возможности их анализа методами субъективной статистики // Вопросы статистики. 1996. № 9. С. 21–31.

Herbert S.A. Administrative Behaviour: A study of decision-making processes in administrative organizations. Glencoe: Free Press, 1960.

Kemp J. An American Renaissance: A strategy for the 1980s. Upper Saddle River: Prentice-Hall, 1979.

Рукопись поступила в редакцию 03.03.2015 г.